

Они были первыми

(Окончание.)

Начало на 15—17-й стр.)

— Орево — это 180 гектаров леса, огороженного колючей проволокой, взрывные стены, бассейны, склады и еще там был спрятанный с вооружения танк Т-34, но на ходу. Мы там работали под руководством Лаврентьева. Стоит вспомнить, наверное, что за работу, проведенную там по так называемому шнуровому заряду, группа ученых получила Ленинскую премию.

После Орева в начале 1957-го Михаил Алексеевич вывез нас в экспедицию на Черное море, в Севастополь. Работали в Казачьей бухте. Когда мы ехали туда в поезде в одном купе с Лаврентьевым, он нам сказал, что будет создано Сибирское отделение АН СССР. Хотя ничего еще не было подписано и решено окончательно. И мы все это с энтузиазмом восприняли. А работа после Орева получила практическое воплощение. Речь идет об экспериментальном заряде, который был принят на вооружение. Его вес — семь килограммов на метр. Моряки в Казачьей бухте растянули семь тонн этого заряда и взорвали. Так мы изучали кумуляцию, вхождение волн на поверхность жидкости. Потом этой работой занимался у нас Валерий Кедринский.

— Скажите, а влияние Сарова, а не Орева, сказалось на организации Сибирского отделения?

— Несомненно. Но направление исследований в Сибири, конечно, заметно изменилось. Должен признать, что тогда моя научная деятельность началась неудачно. Я не решил поставленную задачу. Правда, поставленную скорее не Лаврентьевым, а Войцеховским. А надо было разогнать частицу до конечной скорости в пятьдесят километров в секунду. Но тогда про мою неудачу никто не знал.

— Да и до сих пор никто не знает, — пошутил Титов под общий смех.

— Вскоре я ушел от Войцеховского и до конца жизни Михаила Алексеевича работал у него в отделе, — продолжил рассказ Лукьянчиков. — Но решал уже, конечно, другие задачи. То, чем я потом занимался, было связано с работами и задачами академика Лаврентьева, но эти задачи были им поставлены не напрямую. Он относился к ним вполне терпимо, но при одном общем для всех требовании: работу надо выполнять на мировом уровне. Если хотите, он требовал от нас мировых рекордов в науке. Если же продолжительное время такого достижения не появлялось, то Михаил Алексеевич терял доверие к научному сотруднику. Иногда вернуть доверие удавалось, но усилий для этого требовалось много. Дед бывал и очень терпимым, и очень жестким. Кстати, ныне часто звучащий призыв «обгонять не догоняя» был провозглашен еще в те времена именно Лаврентьевым. Доверие ко мне Михаил Алексеевич вернул после первой неудачи года через четыре, пока я не сделал, как он говорил, красивую вещь.

— Как же называлась эта красивая вещь?

— Называлась она безопасным взрывателем.

...Вот видете: взрыв в работах института гидродинамики — главный «герой».

В 1967 году в жаркий летний день Лукьянчиков пригласил к себе в кабинет (кажущийся по нынешним временам очень скромным, а в нем мы и проводили нашу встречу) Михаил Алексеевич. Выполненные тогда в институте гидродинамики работы привели к созданию технологии промышленного изготовления самолета МиГ-25 в Горьком. А потом и у нас, на заводе имени Чкалова, где была вместе с учеными освоена штамповка деталей взрывом, о которой, как помню, писали все новосибирские газеты и со-

общали другие СМИ. В 1965 году на параде в Домодедово МиГ-25 показали впервые. Впрочем, как и некоторые другие новые разработки. Но на заводе в Горьком новый самолет запустить в серию не смогли. У них что-то не получалось с изготовлением некоторых деталей корпуса самолета. А делали их из стали. Это был единственный в мире самолет с двумя двигателями из стали. И взлетал он почти вертикально. МиГ-25 — тот самый самолет, который наш летчик по фамилии Беленко угнал в Японию. На заводе Чкалова участок взрывной штамповки, созданный тогда совместно с институтом гидродинамики, работает до сих пор.

Но зачем все-таки пригласил к себе в 1967 году Лукьянчиков Лаврентьева? А затем, что Новосибирск ожидал приезда Брежнева. Но вместо него приехал Косыгин. В его присутствии Глеб Алексеевич Ванаг, тогдашний директор завода имени Чкалова, посчитал необходимым сказать, что «институт гидродинамики оказал крупную помощь нашему заводу».

— Я прихожу к Лаврентьеву, — улыбаясь, рассказывая, Лукьянчиков, — а Михаил Алексеевич сидит в кресле, покачивает по своей привычке ногой и сообщает: «Ага-га-га! Это было сказано на высшем уровне!» В такой форме он дал институтским работам самую высокую оценку, которую я от него когда-либо слышал. Он радовался как ребенок.

Кстати сказать, Лаврентьев очень заботился о детях и юношах, которые тянулись к учебе. Он у нас в институте организовал подготовительные курсы для поступления в университет, когда НГУ только строился и до открытия его было еще далеко. И работал, конечно, на этих курсах совершенно бесплатно, как и все остальные... Больше того: когда создавался университет, Лаврентьев лично занимался его снабжением — оборудованием, столами, стульями, досками... Для него все это было важно. В сущности, Лаврентьев никогда не жил для себя. Он часто пренебрегал собственным благосостоянием, жил скромно, в своей знаменитой избе, отказавшись от коттеджа. Для него все государственное или научное было важнее личного. С его подачи был снят с работы первый секретарь обкома партии Кобелев за развал строительства Академгородка. Словом, он умел биться за государственные интересы, никогда не жалея самого себя.

Институт дрызг не знал

После смерти Михаила Алексеевича Лаврентьева в институте гидродинамики сменилось уже несколько директоров. Ныне и Лев Васильевич Овсянников, и Владимир Михайлович Титов не директора, а советники. Сейчас институтом руководит член-корреспондент РАН Владимир Михайлович Тешуков. Да и большинство тех, кто был среди первых учеников Лаврентьева, уже не заведующие отделами и лабораториями, а главные научные сотрудники. То есть они отошли от руководства, но никак не от науки. Время требует перемен. В институте гидродинамики они проходят естественно, совпадая с традициями лаврентьевской научной школы. Хотя в некоторых институтах СО РАН смена руководства проходила совсем не в благостных условиях. Раскалывались творческие коллективы, сочинялись протестные письма, за директорские кресла шла неприглядная борьба. А вот в институте гидродинамики ничего этого не происходило. Почему? Ответ дал академик Владимир Михайлович Титов, закончившая нашу встречу:

— Был знаком с Михаилом Алексеевичем с 1955 года. И ощущение доверия к нему пришло сразу, едва мы познакомились в НИИ, где я работал еще студентом, и поговорили. В нашей с вами беседе уже шла речь о том, что Лаврентьев был естествоиспытателем. Но я хочу подчеркнуть, что сейчас, в наше время, в науке мало естествоиспытателей, к сожалению. Наука разрослась, разбилась на ниши и нишечки, каждый вспахивает свою полянку, а вот масштабный взгляд на явления жизни и природы встречается все реже. А Михаилу Алексеевичу это было свойственно. Его прежде всего интересовали явления. А они, как правило, в нишечки не влезают. Они крупнее, требуют другого масштаба. Вот почему на вопрос жены: «Миша! Ты был счастлив?» он ответил перед своей кончиной: «Да, был. Мне удавалось решать загадки природы, которые подсовывала жизнь».

Он был из исчезающей — увыл — сейчас категории людей. Поэтому вокруг него группировались математики, и механики, и физики. И все находили место в науке. Вокруг него не было никакой толкотни и корыстной конкуренции. Потому что для него самое важное в работе с нами было научить своих учеников понимать явления, видеть корни происходящих процессов. А кто не понимал, тот отпадал, уходил.

Не могу умолчать и о нравственных основах в работе с Лаврентьевым. У него со всеми, кто принимает участие в беседе, в том числе и со мной, ни одной совместной работы не было. Повторяю: ни одной! Для него это было недопустимо по моральным соображениям. Он свой долг видел в том, чтобы помогать нам, советовать, обсудить задачи, которые предстояло решать. А добывать новые знания каждому предстояло самостоятельно. Он откровенно презирал в науке тех руководителей, которые подписывали выполненные, к примеру, своими

Памятник Михаилу Алексеевичу Лаврентьеву в Академгородке.

аспирантами работы вместе с ними. У некоторых нынешних ученых по пятьсот — шестьсот публикаций. Ужас какой-то! Ясно, что все они не могут быть выполнены самостоятельно. Такое поведение Михаил Алексеевич считал для себя невозможным. Нравственные основы стали основополагающей приметой научной школы Лаврентьева.

Когда один из руководящих в то время работников (уж не будем называть его фамилию) принес Лаврентьеву труд, где среди авторов был назван и он, Михаил Алексеевич взорвался.

— А вы что сделали? — спросил он гневно.

— Я руководил, — сказано было в ответ.

— Но вы за руководство зарплату получаете. Вы-то тут при чем? — заметил сурово Михаил Алексеевич, и после этого его отношения с лжеавтором принесенного труда сразу пошли на убыль.

Честность в науке, на которой настаивал Лаврентьев, стала традицией в институте. Она в значительной степени сохранилась. С моей точки зрения, понятие «научная школа» в большой мере понятие нравственное. Это та самая научная этика... Смею утверждать, что привито нам в совместной работе с Михаилом Алексеевичем живо до сих пор. Когда наступили после Лаврентьева трудные времена, мы выдержали все и сохранили институт. И сохранили его без всяких склок, распрей, кляуз, которые, вольно или невольно, словно всплывают со дна в коллективе, когда уходит руководитель такого масштаба и значения, как Михаил Алексеевич Лаврентьев. Ничего подобного у нас не было. Все продолжали заниматься делом. Хотя руководст-

во научной школой не передается по наследству. Никакие регалии не помогут, если ученый «не тянет» руководство научной школой. Все сразу будет видно. Процесс перемен — тонкий и сложный. Но коллектив наш, из которого многие еще при Михаиле Алексеевиче стали докторами наук, продолжал успешно работать самостоятельно и заниматься, повторюсь еще раз, делом.

Конечно, трансформация научных школ происходит, какие-то задачи исчезают, появляются новые. Например, задачи по ультрадисперсным алмазам появились уже после Лаврентьева. Но хорошо, что новые задачи появлялись и при нем, а решались уже после него. Все это помогает коллективу оставаться работоспособным. Я в прошлом году ушел с поста директора института, но в институте от этого ничего не изменилось. Он продолжает напряженно работать. Хотя мы сменили большинство руководителей лабораторий. И эта смена тоже прошла спокойно, без дрызг. Есть возрастные нормы, жестко декларируемые в Академии наук. Но все продолжают нормально работать, хотя и на других должностях. И это отличительная черта института, который основал Лаврентьев. Мы верили Михаилу Алексеевичу в самых разных ситуациях. Он был для нас примером и в науке, и в жизни.

...На этом мы беседе и закончили. Я вышел из комнаты, закрыл дверь и увидел на ней надпись, которая не снимается уже четверть века и, скорее всего, никогда не будет снята: «Директор института академик М. А. Лаврентьев».

Ролан ПОТМАН.
Фото Сергея ДЯТЛОВА.